

Книга о драматургии Горького

В. ЕРМИЛОВ

Тов. Ю. Юзовский является одним из наиболее одаренных наших театральных критиков. Он обладает умением критика-художника, умением показать спектакль, объяснить жесты, интонации, мизансцены, их связь с целым. В отличие от множества статей и рецензий, наполненных общими рассуждениями, бездоказательными восторгами и порицаниями, театральные разборы Юзовского основаны на конкретном анализе образов.

В книге «Драматургия Горького» лучшее место — разбор игры Качалова, исполняющего роль либерального фабриканта Захара Бардина («Враги»). Здесь Юзовскому удается многое: он воссоздает качаловский образ зрительно-ощутимо; вместе с тем, он углубляет и повышает наше осознание этого образа; и наконец, портрет Качалова в роли Бардина, написанный критиком, превращается и в памфлетную характеристику российского либерала. Вот образец анализа Юзовского. Критик разбирает ответ Захара Бардина на вопрос компаньона, Михаила Скребцова, о том, как относится Захар к требованию рабочих уволить мастера Дичкова.

«Захар. Я? гм... Дичков? Это... который дерется? И насчет дразнится, это такое? Прогнать Дичкова, девизует. Это справедливо».

— Качалов, — пишет Юзовский, — проанализи это слово: «справедливо» так, что оно обнажает самую сущность Бардина, который в этом ответе «не столько обнаруживает свой истинный взгляд на вещи, сколько демонстрирует свою убежденность, убежденность саму по себе, независимо от того, что именно выражает эта убежденность». Слова: «справедливо», «разумно» имеют в понимании Бардина то же абстрактно-торжественное и филистерское значение, что и «свобода», «равенство», «гуманность» и пр. Юзовский правильно указывает на ограниченность понимания тех исполнителей, которые не видят этого значения слова «справедливо» и относятся к нему, как к простому эквиваленту слова «правильно» или «бесспорно». Нет, это именно — родическо-милковская торжественная фразеология, и Качалов это прекрасно выражает. Далее Юзовский анализирует переход Качалова — Бардина сначала к полусогласию, затем к согласию с мнением Михаила Скребцова о необходимости оставить Дичкова на фабрике, и опять-таки в ходе этого анализа раскрывает и художественную и социальную сущность образа. Дельные и тонкие замечания содержатся и в анализе образа старика-рабочего Левшина, в котором Юзовский видит преодоление Луки, и в статье о «Варварах», и в других статьях.

Но когда Юзовский отходит от анализа театрально-драматургического и переходит к литературно-социологическим и литературно-философским обобщениям, он нередко теряет свою силу критика-художника и порою начинает изумлять читателя схематизмом, наивностью, слабостью, а подчас и вульгарно-социологической грубостью суждений. Например, подводя итоги своего анализа героев «На дне», Луки и Сатина, Юзовский цитирует ряд ленинских положений о значении Толстого, а затем применяет все ленинские характеристики Толстого к... Луке! «Идеология Луки, — пишет Юзовский, — как видим, не есть индивидуальное нечто, но «идеология условий жизни, в которых действительно находились миллионы и миллионы в течение известного времени».

К Сатину Юзовский применяет слова Ленина о том, что «не только социалистический пролетариат, но и демократические массы крестьянства будут неизбежно выдвигать все более закаленных борцов, все менее способных впадать в наш исторический грех толстовщины!» «Наряду с Лукой, — пишет Юзовский, — в пьесе реально, воинственно ощущается уже начало той жизни, которая рождает «все более закаленных борцов»... Эта тенденция... выражена и в сюжете, и в духе пьесы, и в облике Сатина. Если Лука есть прошлое, то Сатин — будущее, то есть идеи прошлого и идеи будущего, прошлая Россия и будущая Россия».

Сведение идеологии Толстого к идеологии Луки является такою же вульгаризацией, как и сведение «прошлой России» к... Луке. Сам же Юзовский верно указывает, что «основная черта психологии и идеологии Луки есть черта рабства, психология рабства, идеология рабства».

И в самом деле, где у Луки «протест и отчаяние», где у него страстное и гневное разоблачение? Лука — только «утешитель», смазывающий елеем человеческие раны. В Луке Горький запечатлел только одну сторону, одну грань идеологии Толстого. Как же мог т. Юзовский свести идеологию Толстого к Луке? Как мог он отождествить «прошлую Россию» с идеологией и психологией рабства? Это — ошибка грубейшая и совершенно недопустимая.

Что касается Сатина, как выразителя тенденции к появлению «все более закаленных борцов», как представителя «будущей России», — то это, пожалуй, не менее чудовищно. Несчастный пьяница, погибший человек, шулер и босяк, Сатин способен только на красивые фразы. Конечно, то, что он говорит, — часто великомерно, но нельзя же отвлекаться от реальности образов!

Как же случились с т. Юзовским эти приключения? Суть дела в том, что анализ «На дне» носит у Юзовского схематический, абстрактно-идеологический характер. Он группирует персонажей пьесы по идеологическим схемам. На одной стороне — «утешители» и вообще все те, кто в споре между Чижом и Дятлом становится на сторону Чижана, на позицию «нас возвышающего обмана»; на другой стороне — соратники Дятла, все те, кто видят только «правду факта» и не желают видеть «правду творчества фактов». Каждого персонажа т. Юзовский тащит на прокрустово ложе этой схемы. Так у него получается, что Клещ, который упорно не желает становиться босяком, пьяницей, жуликом, жадно тянется к трудовой жизни и противопоставляет себя обитателям ночлежки, — оказывается реакционным началом по сравнению с... босьяками. «Я — рабочий человек... — говорит Клещ. — Мне глядеть на них стыдно... я с малых лет работаю». По этому поводу т. Юзовский набрасывается на Клеща: «Подобная мораль «честного труженика» — это сплошь да рядом мораль буржуа... Ей наивно верит Клещ и хвастается «совестью»... жалко гордится этой «совестью», не разрешающей ему стать в положение Сатина».

Юзовский очень недоволен тем, что Клещ не желает «стать в положение Сатина». Клещ, даже оказывается «самой мрачной фигурой в пьесе»! И все это потому, что «для Клеща труд — обязанность». А раз «труд — обязанность», то значит «жизнь» — рабство». Тов. Юзовский целиком солидаризуется с этой мыслью Сатина. Вообще, Сатин, по мнению Юзов-

ского, занимает верную позицию в вопросе о труде. Юзовский целиком соглашается со следующим высказыванием Сатина: «Работа? Сделай так, чтобы работа была мне приятна, я, может быть, буду работать... да! Может быть! Когда труд — обязанность, жизнь — рабство!» «Сатин, таким образом, — пишет Юзовский, — устанавливает новую точку зрения на труд, которая будет свойственна не Костылеву, не Клещу, а «гордому человеку», о котором мечтает пьеса».

«Таким образом», Юзовский соглашается с босяцким анархизмом Сатина, для которого обязанность трудиться означает рабство. Как известно, в буржуазном обществе труд не является обязанностью: капиталистов, помещиков, рантье, проституток, банкиров и прочих никто не заставляет трудиться. Буржуазия не может считать труд обязанностью и по той причине, что она не может обеспечить право на труд. Миллионы безработных «не обязаны» трудиться, зато они имеют полное право умереть с голода. В социалистическом обществе труд является обязанностью и обеспеченным правом каждого гражданина. Труд будет являться обязанностью до тех пор, пока не станет привычкой, потребностью каждого. Тов. Юзовский не замечает и босяцкого барства Сатина: пусть, мол, кто-то сделает ему, Сатину, работу «приятной», — тогда он, изволите видеть, может быть, согласится работать! «Может быть!» — повторяет, подчеркивает Сатин. Он очень далек от мысли о борьбе за то, чтобы труд стал счастьем и радостью. И вот у этого «представителя будущего» т. Юзовский заставляет учиться Клеща, органически презирающего тунеядство!

Тов. Юзовский не видит трагедии Клеща — трудового человека, лишенного возможности работать! Когда Клещ остался без своего инструмента, который он вынужден был продать, чтобы иметь возможность похоронить жену, когда все усилия его жизни оказались напрасными, — Клещ переживает последнее отчаяние. Он отказывается от своего презрения к принципиальному паразитизму босьяков, от своей «совести» (которую Юзовский называет «жалкой»). Это — начало падения человека! А т. Юзовский радуется тому, что Клещ «уже менее подозрительно и более обнадеживающе (?) поглядывает по сторонам».

Юзовский не видит, что схема привела его к такой фальши, которая вызывает чувство стыда... за т. Юзовского. В самом деле, Клещ от полной опустошенности, от тоски, от сознания погибшей жизни, краха надежд на труд, примиряется с «дном», идет «на дно». Сатин иронически спрашивает его: «Привыкаешь к нам?», и Клещ тоном человека, которому уже все равно, отвечает: ничего, все люди. А т. Юзовский видит во всем этом «классовый рост» Клеща! Клещ же просто поступает в босяцкий «университет» или на шулерский, или на воровской факультет...

Клещ, конечно, далек от классовой сознательности. Он — темный, одинокий человек, но это — трудовой человек! Как же т. Юзовский не увидел трагедии трудового человека?! Да все потому, что он ослеплен своей схемой. Клещ — это Дятло, Сатин — это Сокол! Клещ — «правда факта», Сатин — «правда творчества фактов»! На все лады развивая эту схему, с упорством дятла повторяя: «правда факта», «правда творчества факта» и т. п., — т. Юзовский совершенно не считает с реальными, живыми людьми, изображенными Горьким. Наивно отождествив персонаж с теми мыслями, которые автор вкладывает в уста персонажа, т. Юзовский сделал из Сатина... марксиста!

Многое из того, что говорит Сатин, верно и превосходно. Многие в его словах фальшиво, неверно, направлено против горьковских мыслей. Впрочем, Юзовский полагает, что Горький сочувствует не только каждому слову Сатина, но даже и презрительному отношению к труду Пепла: «Насколько важна для Горького, — пишет Юзовский, — эта мысль (о «труде-удовольствии»)». — В. Е.), видно, что (стиль! — В. Е.) он опять высказывает ее, на этот раз устами Пепла. Пепел говорит по поводу Клеща: «Работай, коли нравится... чем же гордиться тут? Ежели людей по работе пенить... тогда лошадей лучше всякого человека... возит и — молчит!» Юзовский думает, что «действительно принципиальной разницы здесь нет, если удалить момент, на котором настаивает Сатин, — момент творчества». Но откуда Юзовский взял, что Сатин говорит о «творчестве»?

Ночлежка в изображении Юзовского принимает таинственный вид: по углам ее сидят идеологические абстракции, каждый жест которых имеет символическое значение. Людей нет, а есть рупоры идей, одетые почему-то в босяцкие лохмотья. И если Сатин — рупор идеи «закаленных борцов», то, естественно, что Клещ, этот рупор идеи «правды факта», не на дно опускается, когда примиряется с Сатиным и другими босьяками, а поднимается на вершины классового «духа»! По той же причине Юзовский обедняет в одну группу Клеща и... Барона, несмотря на то, что в Бароне сильнее, чем во всех других персонажах, выражен паразитизм. Именно Барон — «самая мрачная фигура пьесы», но так как и Клещ и Барон отнесены Юзовским к ведомству «правды факта», то различия между ними не интересуют Юзовского.

Какую же помощь актеру и режиссеру окажет этот анализ т. Юзовского? Он приведет лишь к идеализации Сатина, к смещению спектакля в сторону абстрактного и фальшивого «идеализма».

Недостаточное понимание Горького впечатляет т. Юзовского и в ряду других ошибок. Так, безапелляционно и размахисто Юзовский утверждает: «Слово «мещане» очень часто встречается у Горького и в пьесах, и в повестях, и в публицистике. Если он хотел заклеймить какое-либо явление, то обычно называл его «мещанством»; если обличал какого-либо персонажа, — именовав его «мещанином»... Однако не юридическое сословие мещан интересовало его, а мелкобуржуазная природа этого типа... Шире говоря, обектом его внимания было то мелкобуржуазное начало, которое было так показательно для старой России и которое не мог не раскрывать Горький, пролетарский писатель». И далее оказывается, что «мещанами» были и кадетский адвокат Звонцов и двуручник Самгин...

Под «мещанством» Горький разумел, как он сам об этом говорил, — стиль жизни и мышления современного ему буржуазного общества, ненависть ко всему новому, зоологический индивидуализм и пр. Юзовский же сводит дело к вопросу о мелкой буржуазии. Выходит, что мелкая буржуазия была главным врагом Горького! Это — невероятная фальшь. Например, в «Городе Окурове», главной темой которого является расхождение среди городской мелкой буржуазии в период первой революции, Горький выделяет среди городского мещанства такие трудовые слои, которые тянутся к пролетариату и становятся его союзниками: они представлены в образах Тиунова и его друзей. То же мы встречаем и в ряде других горьковских произведений.

Столь же безапелляционен Юзовский и тогда, когда он омешивает в одну «малую кучу» такие образы, как Фома Гордеев, Булычев и... Васса Железнова. «Мы знаем симпатии Горького к этому роду людей»... Никаких симпатий Горького к Вассе Железновой мы не знаем. Васса — явление совсем другого порядка. Егор Булычев и Фома Гордеев — свидетельство трещины внутри буржуазного общества, в то время как Васса — одна из последних могилок этого общества.

Схематизм сказывается во всей книге т. Юзовского. Вместо того, чтобы рассматривать горьковские произведения прежде всего с точки зрения правдивого отражения действительности, Юзовский все пьесы Горького склонен прежде всего рассматривать с точки зрения идеологической символики. Горький, в изображении Юзовского, только тем и занимается, что дает «маленькие символические уроки». «Маленький символический урок преподает Горький в своей пьесе», — так определяет т. Юзовский значение «Детей солнца».

Методология статей т. Юзовского отличается тем недостатком, что в статьях ничего не говорится о построении пьес и очень мало говорится о движении темы и сюжета: Юзовский дает почти исключительно характеристики персонажей, причем нередко дело сводится к простому пересказу горьковского текста плюс «идеологическая» символика. В результате ослабляется понимание пьесы, как художественного целого.

Пolemика Юзовского с неправильным толкованием горьковских образов интересна. Из нее мы узнаем, например, что есть режиссеры, способные выдвинуть птенецелова Перчихина, а не машиниста Нила, в качестве главного героя пьесы «Мещане»! Обнаруживается, что были режиссеры, пытавшиеся представить Протасова, героя «Детей солнца», лицемером и вообще отвратительным типом! Выясняется, что есть актеры, изображающие генерала Печенегова из пьесы «Враги», как героя старых «генеральских» анекдотов. Открывается, что есть актрисы, играющие Татьяну из «Врагов», как явную и сознательную ненавистницу буржуазии и союзницу рабочего класса, и т. п. Разъясняя вульгарность подобного рода трактовок, т. Юзовский, несомненно, делает полезное дело.

В заключение нельзя не сказать о неяркости в стиле книги. Примеры: «приобретает какую-то почву ногами»; «такая философия... может завестись совсем не туда, куда наивно рассуждает Перчихин»; «Временами он готов даже отступить отсюда, куда влечет его темперамент, но позадню, его уже понесло»; «завязтая дискуссия (?) вокруг Москвина»; «жалкое, трепещущее жизни существо»; «Завязывая роман с Вагиным, у нее был умысел»... Очень любит т. Юзовский называть слова: «Об'едки, Вубновы и Сусловы ставят своей задачей умышленно уронить, подрезать, снизить, развенчать, разрушить, утвердить (?) правду факта»... Иногда просто невозможно понять, о чем идет речь. Например: «Чепурной потому что полюбил Лизу, что в душе ее та же драма, что у него. Она только опущена эту драму, он еще понимает ее (кого, что? — В. Е.), она выражает ее открыто... Он упрямо скрывает ее (Лизу или драму?) за своим юмором. Он любит ее любовью мучительной (драму или Лизу?), нежной, заботливой, единственной зная источник ее болезни». «Единственный зная» смысл написанного — увы! — т. Юзовский. «В нем живет огромное равнодушие и в деле». «Он ограничивает свою деятельность тем, чтобы открывать глаза «слепорожденным» насчет борьбы за «новое», завоевания «нового», достижения «нового»... Одна из глав книги начинается следующей фразой: «О том, что Татьяна — жена Якова, в ряде театров следует только из программы», и т. д. и т. п. Во всей книге слово «одевать» употребляется вместо «надевать». Частичка «бы» всегда стоит перед глаголом, например: «которые бы допускали»...

Книгу т. Юзовского бы следовало переработать и отредактировать. «Литературный критик», на страницах которого печатались все статьи, вошедшие в книгу, как видим, ничем не помог автору.

ОТ РЕДАКЦИИ. Статья печатается в порядке обсуждения.